

**Ожидаемые социальные перемены: чего хочет общество?
(по результатам обобщения социологических исследований)**

Expected social changes: what does society want?
(based on the results of the generalization of sociological research)

Л.И.Никовская,
*главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН,
профессор РАНХиГС,
д-р социол. наук, канд. филос. наук*

Аннотация: Вступление России в СВО выдвинуло в разряд первоочередных задач страны достижение промышленного и технологического суверенитета; необходимость восточного поворота в системе геополитических координат международных отношений; цивилизационно-культурного самоопределения страны и дифференциации ее от Запада; оптимизацию социальных отношений в плане снижения чрезмерной социальной поляризации и снижения неоправданного социального неравенства. Все эти вызовы легли на постепенно вызревающие в недрах общества ожидания социальных перемен. Определенный энергетический импульс к переменам был задан консолидированным общественным мнением, связанным с «перепрощивкой» российского общества по линии дифференциации от западных универсалистских подходов, поиска своего цивилизационно-культурного кода развития, возрождения неотрадиционалистских нарративов формирования ценностно-символического каркаса общественного сознания. Ожидание перемен также обусловлено усилением социального активизма, связанного с «помогающим поведением», взаимопомощью и кооперацией. Это позволило прийти к пониманию, что административно-бюрократический класс выстроил для себя удобные «капсулы», блокирующие развитие естественной, с точки зрения здравого смысла, деловой и гражданской инициативы общества, позволяющей его членам участвовать в принятии социально-значимых решений. Общество настроено на оздоровление институциональной инфраструктуры общественного развития, прежде всего, снижение степени коррупции, отчуждения населения от власти, разблокировки каналов продвижения и реализации общественных интересов, усиление действенности каналов «обратной связи». Помимо этого в ожиданиях людей присутствует недовольство растущей поляризацией социальных доходов, что снижает качество проводимой социальной политики в части улучшения демографических показателей, роста социальной восходящей мобильности на основе меритократических принципов, улучшения структуры социально-трудовой мотивации. Это обостряет чувство социальной справедливости, которое, будучи заблокированным, может привести к негативным социальным последствиям, формируя «горючий материал» и, соответственно, риски неконвенциональных социальных действий, связанных с социальными взрывами и революционными настроениями в выражении недовольства. Показано, что в настоящий момент большинство населения настроено на реформистский лад, поскольку только освобождается от невротического синдрома после пандемии коронавируса и начала СВО.

Ключевые слова: социальные перемены, социальный активизм, неэффективное управление, недовольство, избыточное неравенство, поляризация, революция, реформы, оздоровление институтов

Abstract: Russia's entry into the SMO has put forward the achievement of industrial and technological sovereignty as the country's priority tasks; the need for an eastern turn in the system of geopolitical coordinates of international relations; civilizational and cultural self-determination of the country and its differentiation from the West; optimization of social relations in terms of reducing excessive social polarization and reducing unjustified social inequality. All these challenges have fallen on the expectations of social change that are gradually maturing in the bowels of society. A certain energy impulse for change is also set by consolidated public opinion associated with the "rewiring" of Russian society along the line of differentiation from Western universalist approaches, the search for its own civilizational and cultural code of development, the revival of neotraditionalist narratives of the formation of a value-symbolic framework of public consciousness. It is shown that this is due to increased social activism associated with "helping behavior", mutual assistance and cooperation. This allowed us to understand that the administrative and bureaucratic class has built convenient "capsules" for itself, blocking the development of a natural, from the point of view of common sense, business and civic initiative of society, allowing its members to participate in making socially significant decisions. The society is set up to improve the institutional infrastructure of social development, first of all, to reduce the degree of corruption, alienation of the population from power, unblocking channels for promoting and realizing public interests. In addition, the problem of people's dissatisfaction with the growing polarization of social incomes is being raised, which reduces the quality of social policy in terms of improving demographic indicators, increasing social upward mobility based on meritocratic principles, and improving the structure of social and labor motivation. This exacerbates the sense of social justice, which, when blocked, can lead to negative social consequences, forming "combustible material" and, accordingly, the risks of unconventional social actions associated with social explosions and revolutionary consequences of expressing discontent.

Keywords: social change, social activism, ineffective governance, discontent, excessive inequality, polarization, revolution, reforms, improvement of institutions

Запрос на социальные перемены в современной России вызревал постепенно, но более активная модальность его манифестации была предопределена двумя чрезвычайными обстоятельствами: пандемией коронавируса 2020-2022 гг. и начавшейся с 2022 года специальной военной операцией. В стране сформировался феномен «*помогающего поведения*»: «низовой» социальный активизм начал активнее формировать запрос на перемены. Занимаясь взаимоподдержкой и взаимопомощью, решая «горячие» проблемы, вызванные с пандемией и СВО, люди стали упираться в барьеры и «тромбы» неэффективного управления и несовершенства институциональных правил. Через широкое социальное участие стало приходить понимание того, что не вся институциональная инфраструктура адекватна стремительно меняющимся социальным обстоятельствам, а качество работы административно-управленческого аппарата не всегда отзывчиво к новой реальности, включающей, в том числе, растущий социальный и гражданский активизм. Именно это заставляло людей задумываться о более разумном устройстве общества, позволяющем его членам участвовать в принятии социально-значимых решений.

Но, представляется, не только изменяющаяся общественно-политическая ситуация подвела к рефлексии на тему «коридора возможностей» для назревших перемен. В свое время, подводя итоги реализации исследовательского проекта, посвященного динамике социальной трансформации в современной России в 2014-2018 гг., его авторы отметили, что запрос на перемены рос от года в год, начиная с 30% в 2016 году, до 56% в 2018 году[1]. И хотя в 2021 году цифра несколько опустилась до 47%, но симптоматичен сам кумулятивный итог: такого за прошедшее десятилетие не наблюдалось. На тот момент (2021 г.) авторы связали этот феномен с существенным и осязаемым ростом числа т.н. «самодостаточных» граждан (до 50%), которые в силу решения своих ресурсно-материальных проблем переходили к осознанию своих возможностей, связанных с расширением горизонта планирования своей прежде всего социально-экономической активности. Но это запускало постепенно нарастающее желание более качественного удовлетворения своих социально-культурных, духовных и политических потребностей, соответственно. Иными словами – формировалось желание более целостной самореализации, когда уже не устраивала ситуация «*стабильности без развития*». В этом отношении показателен сам вывод: именно высокодоходные группы стали инициировать запрос на перемены, а фактор бедности в этом контексте

не выступал триггером перемен. На тот момент авторам проекта казалось, что усиление тренда на эмансипацию от государства, расширение возможностей для либеральной модели развития социально-экономической и политической систем позволят привести к торжеству желаемых перемен. Однако уже тогда, накануне СВО, высказывались предположения, что связывать реализацию запроса на перемены только лишь с либеральным трендом, неперспективно, поскольку общественное сознание в современной России все больше склоняется к варианту *просвещенного консерватизма*, который только и может обеспечить последовательное эволюционное движение в будущее, обеспечивая стабильность и устойчивость общественного движения.

И вот в этом пункте, думается, сконцентрированы доминирующие линии самоопределения российского общества в нынешнем контексте его противостояния с коллективным Западом: во-первых, остро стоит задача достижения полного промышленного суверенитета страны. Россия имеет огромный потенциал. Ответом на многие вызовы должно быть проведение новой индустриализации, бурное технологическое развитие, создание оптимальной, отвечающей задачам времени, экономической модели развития. Во-вторых, перед страной жестко стоит необходимость системного восточного поворота и, соответственно, непростой период отвыкания от рефлексов и стереотипов европоцентризма и западничества. В третьих, очевидна потребность в цивилизационно-культурном самоопределении кода страны, потребности его дифференциации от Запада, от либеральных моделей включения в глобализационные проекты, тем более что итоги глобализации в ее неолиберальной версии оказались во-многом тупиковыми. Пожалуй, именно эти фоновые общественные запросы вызвали в немалой степени реальную консолидацию российского общества вокруг президента и в ситуации СВО, и в желании т.н. процесса «самоочищения общества» и переориентации его ценностно-смыслового блока.

Безусловно, важнейшим фактором, определяющим наше ближайшее развитие, будет ситуация вокруг СВО, которая запустила процесс формирования альтернативы западному цивилизационному проекту, обладающего консолидирующим свойством в отношении значительной части российского общества. Комфортный период одностороннего европоцентризма и «*западного универсализма*», игнорирующей значимую геополитическую роль других цивилизаций, кроме западной, стал проходить[2]. Со всей очевидностью начался процесс целеустремленного выстраивания новой

модели международных отношений, которые будут брать в расчет и опираться на культурно-цивилизационное многообразие мира, специфику каждой страны и каждой цивилизации[3]. Так, весьма симптоматично, что на одной из последних международных политологических конференций одна из представительниц индийской политологической школы на Пленарном заседании отметила, что именно возрождение интереса к феномену цивилизации в столь значимом контексте дает силу и бодрость духа индийской гуманитарной общественности, стимулирует к освобождению от колониального мышления[4].

И для российского общественного сознания сегодня достаточно активно стало формироваться осознание того, что Россия никогда не была, по большому счету, и не будет частью западного мира, у нее другой «цивилизационный код» и предназначение. Так, по данным опроса ВЦИОМ на 2022 год, значительная доля респондентов придерживалась точки зрения, что Россия должна жить по своим правилам, не оглядываясь на страны Запада (89%). Позицию о том, что нашей стране нужно жить по западным канонам в ущерб собственным, разделяло всего 3%[5]. Российское общественное сознание достаточно высоко дифференцирует отличие отечественных ценностей от западных: средний балл составляет 7,97 (где 1 означает «не отличаются совсем», 10 – «отличаются очень сильно»). И. Л. Солоневич писал в этой связи: «Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это просто – Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково чётко отличающийся и от Европы, и от Азии»[6].

Ценностное самоопределение россиян вызревало давно, в нем было суммировано и спрессовано отношение к результатам либеральных реформ начала 1990-х гг., а также оценка результатов и перспектив последующего периода развития страны. К середине 2020-х гг. в стране сложился устойчивый *государственно-державный синдром*. Общество можно было условно дифференцировать на две группы: *государственников-державников* (60%) и *либералов* (8%)[7]. Они наполняли разным смысловым содержанием ценности справедливости, патриотизма и свободы, позиционирование страны в мире и выбор модели ее развития. Общая доминанта ожиданий в отношении ценности *социальной справедливости* интерпретировалась представителями этатистско-державной группы через «*возвращение к национальным традициям, православию и восприятие России как державы, объединяющей разные народы и влияющей на все политические процессы в мире*». А либеральное меньшинство

трактовало *социальную справедливость* через призму реализации *прав человека, демократии и сближение с Западом*. В их представлении путь, которым последние 10-15 лет движется Россия, должен привести ее в тупик (68%).

При этом следует отметить, что этатистско-державные ценности в общественном сознании россиян не только явно доминируют, но и достаточно устойчивы. В 2015 г. 67% респондентов полагали, что «*Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире*»; 75% - что «*Россия – особая цивилизация и в ней никогда не привется западный образ жизни*»; 58% - что «*России необходима «жесткая рука», которая наведет в стране порядок*»; 84% - что *при всех недостатках нынешняя власть все же заслуживает поддержки*»[8]. Для этой группы характерен также подчеркнутый оптимизм: 3/4 ее сторонников считает, что Россия идет по верному пути, который обеспечит ей положительные результаты[9].

Своеобразный «*ренессанс традиционализма*» вырос именно из этих настроений, помноженный на тот образ Запада, который сформировался после «*гуманитарных бомбардировок*» Югославии, «*силового принуждения к демократии*» в Ираке, приведшего к осязаемым конфессионально-этническим противоречиям в регионе, и не только в этом регионе, безапелляционного права коллективного Запада продавливать свою точку зрения и наказывать целые страны. Поэтому Указ Президента от традиционных ценностей[10] лег на подготовленную почву. Надо отметить, что часть отечественного политологического сообщества восприняла данный поворот к неотрадиционализму как обращение к алфавиту и идейному багажу политики «*охранительства*», который чужд устремлениям и практике идейного аппарата современного общественного развития, толкает нас к демодернизации, к модели изоляционизма и политического эгоцентризма[11]. Думается, что данный документ, в первую очередь, это сигнал, что мы подошли к сложной ценностно-смысловой *развилке*, указывающей на опасности игнорирования идей трансгуманизма, опасных последствий экспериментов с гендером и полом и пр., стихийным внедрением практик «*трансфрендли-медицины*», концепции «*постчеловечества*» и т.д., которые стали формировать т.н. новую «*нормальность*» на Западе.

С другой стороны, обращение в столь сложное и насыщенное «конфронтационным языком» время к идейному багажу умеренного консерватизма, это, если воспользоваться оценкой авторитетного российского политолога Б. Капустина, не «*охранительство вообще*», не

барьер на пути общественных изменений и реформ, и не призыв «вернуться в прошлое», а ориентация на эволюционное развитие при сохранении и развитии присущих данному обществу культурных традиций. Это не отрицание либеральных ценностей (личной свободы, прав человека), а противовес либеральному мессианству, претензиям либерализма (точнее – современного неолиберализма, как и доктринального социализма) на универсальность, на превращение общества во всеобщую либеральную (или социалистическую) систему[12].

Собственно, это подтверждается и результатами последних социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН. По мысли его директора, академика Горшкова М.К., мы находимся сейчас в динамичном процессе формирования национального «*культурного кода*», основу которого составляют традиционные ценности. Это обусловило в значительной степени большой интерес к историческому прошлому страны. 75,3% граждан, и среди них более всего самые молодые и пожилые, проявляют повышенный интерес к этому процессу. Активное освоение исторической памяти помогает обществу лучше понять корневые основы нашего государственного и геополитического самоопределения, а значит - и органичные проекции в будущее. А самое главное – формирует общественно-ориентированную мотивацию, чувство патриотизма и уважения к стране, ответственность за ее будущее[13].

В копилку понимания цивилизационных особенностей «*социо-культурного кода*» российского общества внесла и свой вклад авторитетный исследователь в стране по этнонациональным проблемам Дробижева Л.М., особо выделяя наработанную им способность к цивилизационной адсорбции. Обобщая многолетние результаты социологических исследований о состоянии национально-этнических процессов и отношений в постсоветской России, она пришла к выводу о *формировании в стране многоэтнической российской нации на основе культурного ядра из русского языка и культуры*. Из чего она сделала заключение, что цивилизационное устройство современной России может предстать как *содружество народов и конфессий, скрепленное сильным государством*[14].

Формируется и метафизическая основа нашего цивилизационного проекта. В июне 2024 г. представители Изборского клуба обсудили представленный ими вариант мировоззренческого Канона[15], в котором они постарались ответить на вопросы, в чем суть идеи и миссии России, в чем специфика русского антропотипа, образ будущего, принципы развития и пр. Канон выражает собой специфику ментального социо-культурного архетипа россий-

ского общества, для которого характерны особые черты – тяга к целостности и космизму, онтологическое понимание истины (и языка), литературоцентризм, метафизика сердца, гражданственность и т.д. Онтологической особенностью российского общества является, по мысли авторов, соборно-духовный принцип солидарности, который представляет собой органическое соединение личного, индивидуального и общественного в мировоззренческой оптике российской цивилизации. Для нас сегодня важна актуализация этого принципа в силу особой ценностно-смысловой его нагрузки: в преодолении гипертрофированного рационализма и индивидуализма как главного порока изолированной личности человека западного типа. Безусловно, большое значение для создания нынешнего варианта мировоззренческого цивилизационного канона имели наработки русской философской мысли, которые составили принципиальный метафизический каркас его мировоззренческой специфики. Осевой идеей мировоззренческого пространства русской цивилизации является принцип многоцветья, симфонии цивилизаций, т.е. *цивилизационной адсорбции*. Принцип многополярности заложен в основу нашего ментального архетипа. Как и базовый аксиологический принцип, приучающий оценивать мир через призму координат Добра и Зла и формирующий внутреннюю личностную аксиому развития - стремление к духовному совершенству через принцип творения любви (завещание С. Радонежского).

Все ценностно-смысловые конструкты самоопределения общества сегодня крайне важны и потому, что нынешний масштабный этап возрождения российского общества должен опираться на адекватный нынешним вызовам мировоззренческий каркас, который бы обеспечивал обществу проектную идентификацию. Недаром авторитетный в политологической среде эксперт М.В. Ильин в своей статье, посвященной актуальным вызовам, стоящим перед российским политологическим сообществом, отмечает значимость актуализации принципа Реннана об определении нации через «*ежедневный плебисцит*», подчеркивая значимость внимания исследователей к тому, что сегодня реально может и реально мобилизует российскую нацию, в чем суть критерия «*русскости*», пути и принципы ее действенного самоопределения[16].

Важным посылом российского общественного сознания, определяющим настрой на перемены, можно считать запрос на оптимизацию социальной сферы. В социальной сфере реализуются социальные потребности и интересы классов и социальных групп, национально-этнических общностей, отношения общества и личности, она охватывает условия труда

и быта, здоровья и досуга. Здесь формируется такие важные показатели жизни человека, как уровень и качество жизни, пересекаются и сходятся комплексные последствия решений и практической деятельности в других сферах – экономике, политике, идеологии, культуре.

В трансформирующихся обществах особую актуальность приобретают проблемы социального неравенства. Само по себе социальное неравенство (в отдельных видах) необходимо в обществе, чтобы оно могло экономически эффективно развиваться по пути общественного прогресса. Но бесспорно также и то, что существуют такие виды социального неравенства между людьми, которые ставят большие группы населения на грань бедности, нищеты, политической и социальной бесперспективности. Это неравенство не только результат различных видов «запаздывающей» модернизации, ошибок и методов трансформации, но и мирового несправедливого разделения богатства и прибыли в рамках неолиберального формата глобализации. Пропасть между бедными и богатыми в России устойчиво демонстрирует ощутимую *поляризацию* населения по уровню доходов. Децильный коэффициент, показывающий соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к такой же доле наименее обеспеченного, составляет сегодня соотношение 1 : 13,2 (а с учетом "теневых" доходов 1 : 23)[17].

Иными словами, эксперты констатируют, что социальное расслоение в России идет по модели поляризации со снижением возможностей социальной восходящей мобильности. У нас сложилась ситуация не просто неравенства, а *чрезмерного* социального неравенства. Как отмечает достаточно авторитетный специалист по проблематике социальной структуры и развития России Н.Е. Тихонова, особенности социальной структуры в стране состоят в том, что она все более становится закрытой. Восходящая социальная мобильность не позволяет занять высокие статусные позиции в соответствии с меритократическими принципами и представлениями о социальной справедливости. Процесс социальной поляризации, по ее мысли, все больше задевает наиболее активную часть общества – молодежь. Общественная поляризация начинает самовоспроизводиться, а это ведет к дальним негативным социально-экономическим и политическим последствиям – к делигитимации существующих социальных основ общества, к демотивации собственных усилий чего-либо достичь в обществе, консервации патерналистских ожиданий и т.д. Сложившиеся за последние годы т.н. социально-структурные «рамочные условия» будут в среднесрочной перспективе предопределять развитие российского общества[18].

Согласно данным последних исследовательских проектов Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, *чрезмерное, избыточное неравенство* сдерживает темы экономического развития страны, снижает уровень рождаемости и влияет на увеличение смертности[19].

При этом, согласно полученным данным, за последние 10 лет в два раза увеличился властный, административно-бюрократический аппарат! Это самый значительный рост данной общественной группы за последнее время [20].

Если обобщить особенности социальной структуры современной России, то все выше описанные эмпирические показатели указывают на преобладание вертикальных социальных связей, формирование объективных оснований для высокой степени отчуждения народа от власти и центров принятия социально-значимых решений. При наличии кризисных или конфликтных линий функционирования социума это может превратиться в «горючий материал» социальной и политической напряженности, чреватой самыми неожиданными последствиями.

Таким образом, мощнейший запрос на перемены в социальной сфере связан со снижением уровня неоправданной общественной поляризации, которая создает условия для консервации бедности на базе нисходящей социальной мобильности, заниженных общественных ожиданий, закрепления статуса маргинализации и депривации значительной части российского населения.

Отметим особо, общество не настроено на революционный характер перемен. Витяющее в воздухе ощущение по поводу возможного рецидива пандемии, которая привела к общей усталости, сужению горизонтов планирования, наличие напряженного, но деятельного ожидания по поводу исходов противостояния с НАТО на полях СВО конвертируется в идейно-символическом пространстве в идеологемы *динамического, модернизационного консерватизма*, показывающего, что общество рассматривает возможности революции скорее «со знаком минус», так как резкое прерывание эволюционного развития социума чаще всего приводит к большим негативным последствиям и социальным издержкам, что снижает изначально запланированный позитивный результат, от нее ожидаемый. Помимо этого, на восприятие перемен сегодня сильно влияет переход к цифровым отношениям, усиливающим роль субъективного фактора, а также значение ценностно-смыслового, идейно-символического и духовного начал в контексте возрождения интереса к возможностям неотрадиционализма.

Возрастание роли социального активизма посредством роста масштабов волонтер-

ства, добровольчества, проявляющегося в усилении коллективной взаимопомощи и кооперации, отзывчивости к нуждам СВО контрастирует со сложившимися практиками рекрутирования социально-политических элит, когда главный упор делался на административную исполнительность, а не на талант, лидерские качества и ответственность, которые так востребованы обществом в кризисное время. Президент в своем Послании к Федеральному Собранию РФ очень точно обозначил политическую топономику бывшей элиты: «Вы знаете, что слово «элита» во многом себя дискредитировало... теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считают себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями, особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набили карманы за счет всяких процессов в экономике 90-х годов. Вот они точно не элита. Подлинная, настоящая элита – все, кто служит России: труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России»[21]. Думается, политическая позиция нынешнего политического курса по отношению к деловой элите однозначна: крупный бизнес должен перестать быть классом компрадорской буржуазии, а стать классом национально-ориентированных предпринимателей. Государство предлагает им новый договор. В нём крупный бизнес четко разделен на *офшорных олигархов и национально-ориентированных предпринимателей*. Вторым будут созданы максимально комфортные условия для работы. А вот у первых возможно появление трудностей, вполне возможно связанных на определенном этапе и с процессами национализация активов.

Список использованных источников:

1. Петухов Р.В. Латов Ю.В. Что скрывается за запросом на перемены? // СОЦИС. Социальные исследования. 2022. № 2. С. 157.
2. Караганов С. Мы сбрасываем западное иго. Электронный ресурс: <https://www.business-gazeta.ru/article/595204> (дата обращения 09.03.2024).
3. Пантин В.И. Цивилизации в современной политике: субъектность, внутренние размежевания, динамика.// ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 2. С. 180-191.
4. Пленарное заседание конференции «Внешнеполитические и институциональные факторы суверенитета современных государств» 20.06.2024. Санкт-Петербург. Электронный ресурс: <https://disk.yandex.ru/i/JIsLsOdzeJ77YA> (дата обращения 12.07.2024).
5. Данные ВЦИОМ. Электронный ресурс: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения 19.05.2024).
6. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс. 1991. С. 15. - 512 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга первая./ М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 140.
8. Российское общество и вызовы времени. Книга первая./ М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 139.
9. Российское общество и вызовы времени. Книга первая./ М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 144.

Процесс СВО чем далее, тем более будет генерировать появление новой прослойки людей, которые прошли школу боевых действий, людей патриотичных, национально-ориентированных, не склонных к компромиссам с практиками и силами, разрушающими государство. Само СВО они воспринимают в массе своей как самоочищение. Политический посыл, что в нынешней ситуации элита не должна быть элементарным менеджером, исполнителем только лишь интересов вертикально-интегрированной системы, обществом воспринимается позитивно.

В условиях роста напряженности в противостоянии с западными странами, интенсификации цифро-сетевых отношений между вертикально-интегрированной системой публичной власти и «горизонталями» общественного участия неизбежно будут возникать позитивно-функциональные коллизии, способствующие реализации запроса на перемены к лучшему. В обществе устойчиво существует запрос на более отзывчивые к нуждам большинства населения работающие институты – противодействия коррупции, снижения административных барьеров, создания эффективных условий продвижения и реализации общественных интересов, оптимизации каналов обратной связи с населением. И по мнению большинства, характер этих институтов должен быть конгруэнтен растущей «снизу» общественной активности гражданского (солидарного) общества и деловой инициативы...В этом обществе видит залог совместной результативной работы общества и власти на пути оздоровления основ своей социальной активности и приближения победы.

10. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.
11. Глухова А.В. Современный глобальный конфликт и его национальные проекции. // «Человек. Сообщество. Управление». Научно-информационный журнал. Том 16. 2015. № 4. – С. 60-76.
12. Капустин Б.Г. Что такое консерватизм? // Свободная мысль-XXI, 2004, № 2, С. 44-53.
13. Глазкова Л. Как россияне относятся к президенту и специальной военной операции. Беседа с директором Института ФНИСЦ РАН, академиком Михаилом Горшковым. Электронный ресурс: <https://www.pnp.ru/social/kak-rossiyane-otnosyatsya-k-prezidentu-i-specialnoy-voennoy-operacii.html>.
14. Российское общество и вызовы времени. *Книга первая.* / М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 210-211.
15. Мировоззрение русской цивилизации: путь к себе. Доклад Изборскому клубу группы экспертов под руководством Виталия Аверьянова. Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 1 (119), 2024. С. 6-88.
16. Ильин М.В. Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки. // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 2. С. 8-24.
17. Неравенство и бедность. Электронный ресурс: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 14.07.2024).
18. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян. // Вестник института социологии РАН. – 2018. - № 27. С. 38.
19. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни // Уровень жизни населения регионов России – 2019. - Т. 213 - № 3. С. 8-24.
20. Особенности модернизации социальной структуры российского общества. М.: ИС ФНИСЦ РАН. 2018. -200 с. С. 39.
21. Путин рассказал, кто является элитой России. Электронный ресурс: <https://russian.rt.com/russia/news/1279518-putin-elita-rossiya> (дата обращения 09.03.2024).